

Максим Горький

Ледоход

Максим Горький

Ледоход

«Public Domain»

1912

Горький М.

Ледоход / М. Горький — «Public Domain», 1912

«На реке, против города, семеро плотников спешно чинили ледорез, ободраный за зиму слободскими мещанами на топливо. Весна запоздала в том году – юный молодец Март смотрел Октябрем; лишь около полуден – да и то не каждый день – в небе, затканном тучами, являлось белое – по-зимнему – солнце и ныряло в голубых проталинах между туч, поглядывая на землю неприветливо и косо...»

Максим Горький

Ледоход

На реке, против города, семеро плотников спешно чинили ледорез, ободранный за зиму слободскими мешанами на топливо.

Весна запоздала в том году – юный молодец Март смотрел Октябрем; лишь около полуден – да и то не каждый день – в небе, затканном тучами, являлось белое – по-зимнему – солнце и ныряло в голубых проталинах между туч, поглядывая на землю неприветливо и косо.

Уже была пятница страстной недели, а капель к ночи намерзала синими сосульями в поларшина длиною; лед на реке, оголенной от снега, тоже был синеватый, как зимние облака.

Работали плотники – а в городе печально и призывно пела медь колоколов. Головы рабочих поднимались вверх, глаза задумчиво тонули в сероватой мгле, обнявшей город, и часто топор, занесенный для удара, нерешительно, на секунду останавливался в воздухе, точно боясь разрубить ласковый звон.

Там и тут на широкой полосе реки криво торчали сосновые ветви, обозначая дороги, полыньи и трещины во льду; они поднимались вверх, точно руки утопающего, изломанные судорогами.

Томительной скукой веет от реки: пустынная, прикрытая ноздреватой коростой, она лежит безотрадно прямою дорогой во мгlistую область, откуда уныло и лениво дышит сырой, холодный ветер.

... Староста Осип, чистенький и складный мужичок, с правильной серебряной бородкой, аккуратно завитой в мелкие кольца на розовых щеках и гибкой шее, – всегда и всюду заметный, староста Осип покрикивает:

– Шевелись поживей, курицыны дети!

И обращается ко мне, насмешливо внушая:

– Наблюдающий, – ты чего в небе ковыряешь тупым твоим носом? Ты для какого дела приставлен, спросить тебя? Ты – от подрядчика, от Василь Сергеича? Стало быть – подобат тебе наяривать нас – работай живо, такой-сякой народ! Вот для какого подвигу ты налажен, а ты – на свое дело моргаешь, дите мое, горький сухостой! Моргать тебе не положено, ты гляди во оба да покрикивай, коли тебя вроде десятника до нас приспособили... ты – команду, кукушкино яичко!

Он снова кричит на ребят:

– Не зевай! Лешие, – надобно сегодня конец делу положить, али нет?

Сам он – первейший лентяй артели. Превосходно знает свое дело, умеет работать ловко, споро, со вкусом и увлечением, но – не любит утруждать себя и постоянно рассказывает волшебные истории. Как раз в разгар работы, когда люди вопьются в нее и работают молча, сосредоточенно, вдруг плененные желанием сделать всё ладно и гладко, – Осип заводит журчащим голоском:

– А вот, братцы мои, был случай...

Две-три минуты люди как будто не слушают его, самозабвенно тешут, строгают, рубят, а мягонький тенорок мечтательно течет и вьется, опутывая, связывая внимание людей. Голубые ясные глаза Осипа сладко прищурены, он покручивает пальцами курчавую бородку и, чмокая от удовольствия, нижеет слово за словом...

– Поймал он этого линя, положил в пещер, идет лесом – думает: «А и будет же уха у меня...» Только вдруг – не знай откуда – кричит голос женской, тонкой: «Елесья-а, Елесья-а...»

Длинный костлявый мордвин Ленька, по прозвищу Народец, – молодой парень с маленькими изумленными глазками, – опустил топор и стоит, открыв рот.

– А из пещера отвечают басышем, густо: «Зде-ся-а!..» И в тую самую минуту крышка с пещера – хло-бьсь, линь оттедова – прыг и пошел, пошел назад, в омут свой...

Старик-солдат Санявин, угрюмый пьяница, страдающий одышкой и давно чем-то обиженный на всю жизнь, хрипит:

– Как это он, линь, пошел посуху, ежели он – рыба?

– А говорить рыбе назначено? – ласковенько спрашивает Осип.

Мокей Будырин, мужик серый, с собачьим лицом – скулы и челюсти выдвинуты вперед, а лоб запрокинут, – человек молчаливый и неприметный, не торопясь, выпускает через нос три любимые свои слова:

– Это совсем верно...

Каждый раз, когда рассказывают что-нибудь чудесное, страшное, грязное или злое, – он негромко, но непоколебимо уверенно отзывается:

– Это совсем верно...

И словно трижды бьет меня в грудь жестким тяжелым кулаком.

Работа встала, потому что Яков Боев, косноязычный и кособокий, тоже хочет рассказать что-то рыбе и уже начал, но ему никто не верит, смеются над его измятою речью; он – божится, ругается, сердито сует долотом в воздух и, захлебываясь злой слюною, кричит, на смех всем:

– Один – чего ни ври – принимают, а как я вам – правду, – ржете, галманы, пострели вас в душу...

Все бросили работу и шумят, размахивая пустыми руками; тогда – Осип снимает шапку, обнажая благообразную серебряную голову, с плешью на темени, и строго кричит:

– Будя, эй! Позвонили, отдохнули, и – ладно!

– Сам завел, – хрипит солдат, поплеывая на ладони.

Осип пристает ко мне:

– Наблюдающий-и...

Мне кажется, что он сбивает людей с работы своими россказнями, имея какую-то цель, но я не понимаю – хочет ли он болтовней прикрыть свою лень или дать людям отдых? Перед подрядчиком Осип держится льстиво, низкопоклонно, – «ломает дурака» перед ним и каждую субботу умеет выклянчить у него «на чайшко» для артели.

Вообще он человек «артельный», но старики его не любят, считают шутком, бездельником и относятся к нему неуважительно, да и молодежь, любя слушать его болтовню, смотрит на него несерьезно, с недоверием, плохо скрытым и часто злым.

Мордвин, парень грамотный, с которым я говорю иногда «по душам», однажды, на мой вопрос – что за человек Осип, сказал, усмехаясь:

– Не знай... пес его знает... так себе – ничего...

И, подумав, добавил:

– Михайло, который помер, резкий был мужик, умный, – так он раз лаялся с им, с Осипом-то, да и говорит: «Али, говорит, ты человек? Работник в тебе подох, а хозяин – не родился, так, говорит, ты и будешь всю жизнь болтаться на углу, как забытый отвес на нитке»... Вот это, поди-ка, верно про него...

И еще подумав, мордвин беспокойно договорил:

– А так он ничего, добрый человек...

У меня глупейшая позиция среди этих людей: пятнадцатилетний парень, я приставлен подрядчиком – записывать расход материала, следить, чтобы плотники не воровали гвоздей, не таскали в кабак досок. Гвозди они воруют, нимало не стесняясь моим присутствием, и все усердно показывают мне, что я на работе среди них – человек лишний, неприятный. И если кому-нибудь представляется случай незаметно задеть меня доскою или иным способом причинить мне маленькую обиду – они это делают очень умело.

Мне с ними неловко, стыдно; я хочу сказать им что-то, что помирило бы их со мною, но не нахожу нужных слов, и меня давит угрюмое чувство моей ненужности.

Каждый раз, когда я записываю в книжку количество взятого материала, – Осип, не торопясь, подходит и спрашивает:

– Нарисовал? Ну-кошь, покажь...

Смотрит на запись прищуря глаза и говорит неопределенно:

– Мелко пишешь...

Он умеет читать только по печатному, пишет тоже печатными буквами церковного устава – гражданская пропись непонятна ему.

– Это – корытцем-то – какое слово?

– Добро.

– Добро-о! Ишь петля какая... А что написано строкой этой?

– Досок вершковых, девятиаршинных, пять.

– Шесть.

– Пять.

– Как же пять? Вот, солдат перерезал одну...

– Это он напрасно, надобности не было...

– Как же не было? Он половинку в кабак снес...

Спокойно глядя в лицо мне голубыми, как васильки, глазами, с веселой усмешечкой в них, он навивает на палец колечки бороды и неотразимо бесстыдно говорит:

– Рисуй шесть, право! Ты гляди, кукушкино яичко, – мокро, холодно, работенка тяжелая – надобно людям побаловать душеньку, винцом-то ее обогреть? Ты – не строжись, бога строгостью не подкупишь...

Говорит он долго, ласково, кудреватое, слова сыплются на меня, точно опилки, я как бы внутренне слепну и молча показываю ему переправленную цифру.

– Ну вот – это верно! И цифра – красивше, вон какой купчихой сидит, пузатенька, добренька...

Я вижу, как победоносно он рассказывает плотникам о своем успехе, знаю, что они все презирают меня за уступчивость, мое пятнадцатилетнее сердце обиженно плачет, а в голове вертятся скучные, серые мысли:

«Всё это странно и глупо. Почему он уверен, что я снова не переправлю 6 на 5 и не скажу подрядчику, что они пропилили доску?»

Однажды они украли два фунта пятивершковых костылей и железные скобы.

– Слушай, – предупредил я Осипа, – я это запишу!

– Вали! – согласился он, играя седыми бровями. – Что, в сам-деле, за баловство? Вали, рисуй их, маминых детей...

И закричал ребятам:

– Эй, шалыганы, костыли и скобы на штраф вам записаны!..

Солдат угрюмо спросил:

– Почто?

– Проштрафились, стало быть, – спокойно пояснил Осип.

Плотники заворчали, косо поглядывая на меня, а у меня не было уверенности, что я сделаю то, чем пригрозил, а если сделаю – так это будет хорошо.

– Уйду от подрядчика, – сказал я Осипу, – ну вас всех к чертям! С вами вором станешь.

Осип подумал, погладил бороду, сел рядом со мною плечом и сказал тихонько:

– Это – правильно!

– Что?

– Надо уйти. Какой ты десятник, какой приказчик? В должностях этих надобно понимать, что есть имущество, собачий характер надобен тут, чтоб охранять хозяиново, как свою

родную шкуру, мамино наследство... А ты для этого дела – молод пес, ты не чувствуешь, чего имущество требует. Если бы сказать Василь Сергеичу, как ты нам мирволишь, – он бы те в ту самую одну минуту по шее, – вполне решительно! Потому ты для него – не к доходу, а на расход, человек же должен служить доходно хозяину – понял?

Свернув папиросу, он дал ее мне.

– Покури, легче будет в мозге. Кабы у тебя, кран-даш, не такой совкий и спорный характер был – я бы тебе-тко сказал: иди в монахи! Ну, – характер у тебя для этого не подходящий, топорный характер, неотес ты в душе, ты, буде, и самому игумну не сдашь. С эдаким характером в карты играть невозможно! А монах – он наподобие галки: чье клюет – не знает, корни дела его не касаются, он зерном сыт, а не корнем. Всё это я тебе говорю от сердца, как вижу, что человек ты чужой делам нашим – кукушкино яичко в не ее гнезде...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.